

Н. Е. Бараданченкова
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРАКТИКА ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА КОРРУПЦИОННЫЕ ДОХОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние годы практика взыскания органами Генеральной прокуратуры РФ коррупционных доходов набирает обороты с точки зрения как категорий изымаемого дохода и колоссальности взыскиваемых сумм, так и усложнения фактических и правовых оснований заявленных требований.

Проанализировав последние знаковые дела, автор приходит к выводу, что требование, заявленное в рамках подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, по характеру устанавливаемых фактов отличается от требований о возмещении вреда, взыскания неосновательного обогащения либо признания сделок антисоциальными. Автор исследует некоторые тенденции к расширению круга лиц, имущественные активы которых могут быть взысканы в бюджет РФ, появлению возможности обращения взыскания на полученную в результате хозяйственной деятельности прибыль компаний, включающую уже уплаченные налоги, и денежные средства, направляемые в адрес банка в счет погашения кредитных обязательств. Кроме того, в разрез с существующей практикой автор обосновывает необходимость применения сроков исковой давности и контроля их соблюдения со стороны органов прокуратуры как условия удовлетворения заявленных требований.

Ключевые слова: противодействие коррупции, взыскание незаконных доходов, государственная служба, судебная власть, прокуратура

Для цитирования

Бараданченкова Н. Е. Практика обращения взыскания на коррупционные доходы в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 36–45. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_36.

УДК 347.91/.95

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_36

В теории права традиционно указывается, что правонарушение приводит к возникновению правоохранительных отношений между лицом, его совершившим, и тем, перед кем нарушитель должен нести ответственность. В результате гражданского правонарушения возникает обязательственное отношение, которое направлено на возмещение вреда, на устранение вредных последствий неправомерного деяния [Грибанов 2000; Иоффе 1975].

Антикоррупционное регулирование относится к категории охранительных правоотношений, направленных на повышение эффективности, компетентности и авторитета

власти. Совершение деяния коррупционной направленности обуславливает включение различных механизмов государственно-принудительного воздействия, как то: привлечение к уголовной, административной ответственности, возбуждение дисциплинарного производства, прибегание к мерам по урегулированию допущенного государственным служащим конфликта интересов вплоть до изъятия коррупционных доходов в порядке гражданского судопроизводства.

Проблема дифференциации способов защиты против акта коррупционной направленности затронута в ст. 3 и 8 Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой от-

ветственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. Данные нормы предусматривают заявление требования о возмещении вреда и включение в предмет доказывания обстоятельств совершения противоправного коррупционного деяния, наступления ущерба и наличия причинно-следственной связи между актом коррупции и нанесенным ущербом.

Санкция подп. 8 п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса РФ устанавливает гражданско-правовую ответственность в виде лишения права собственности на имущество и денежные средства в связи с совершением государственным служащим неправомерного деяния коррупционной направленности. Конституционный Суд РФ квалифицирует данную санкцию как *особую меру государственного принуждения*, применение которой должно сопровождаться строгим закреплением состава правонарушения и учетом критериев необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям (Постановления Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П и от 9 января 2019 г. № 1-П).

Тем не менее в российской правовой системе как таковой состав коррупционного правонарушения, совершение которого запускает механизм обращения взыскания на полученные доходы, не был четко сформулирован ни в Гражданском кодексе РФ, ни в Федеральном законе от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», а, скорее, был выработан судебной практикой при рассмотрении дел такой категории.

Статьи 2, 16, 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» предусматривают обязанность лиц, занимающих государственные и муниципальные должности, позиции в государственных корпорациях и фондах, ежегодно представлять сведения о своих доходах и доходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, об имуществе и обязательствах имущественного характера. В случае если уполномоченный контрольный орган выявит расхождение в суммах полученного дохода и произведенных расходов, приобретенного имущества и имеющихся финансовых активов, он обязан направить полученную ин-

формацию в органы прокуратуры Российской Федерации, которые в свою очередь наделены компетенцией обращаться в суд общей юрисдикции с исками об обращении взыскания на такие неподтвержденные доходы.

В марте 2022 г. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» был дополнен статьей 8.2 «Контроль за законностью получения денежных средств». Она детализировала порядок проведения проверки органами прокуратуры РФ и установила обязанность не позднее четырех месяцев со дня получения материалов проверки обращаться в суд с требованием о взыскании той части дохода, в отношении которой отсутствуют доказательства правомерности ее приобретения государственным служащим за отчетный период и два предшествующих года, если размер взыскиваемых денежных средств превышает 10 тыс. руб.

Таким образом, для выявления правонарушения коррупционной направленности нужно установить:

объем и стоимость принадлежащих государственному служащему, супругу и несовершеннолетним детям имущества, денежных средств, имущественных обязательств;

размер совокупного дохода, полученного государственным служащим и членами его семьи за отчетный период и предшествующие два года;

факта превышения стоимости приобретенного государственным служащим имущества над полученным доходом;

доказанность правомерности приобретения таких активов и законность источника его получения в собственность.

Толковать данный состав по аналогии с требованием о возмещении причиненного вреда с точки зрения российской правовой системы (ст. 15, 1064 Гражданского кодекса РФ) не совсем верно, поскольку для возложения на причинителя вреда имущественной ответственности нужно установить факт причинения действиями ответчика ущерба потерпевшему. При этом размер компенсации как меры гражданско-правовой, деликтной ответственности не должен приводить к неосновательному обогащению потерпевшего и должен определяться исходя из необходимости восстановить имущественное положение правообладателя, поскольку вред выступает не только условием, но и мерой ответственности

(Определения Конституционного Суда РФ от 5 апреля 2016 г. № 701-О и от 18 июля 2017 г. № 1655-О). По этой причине получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера как предмет коррупционного деяния само по себе не является имущественным вредом Российской Федерации, которая как потерпевшее лицо должна была утратить данное имущество либо лишиться возможности его получения, что при обратном исходе абсурдно.

Как свидетельствует судебная практика, не исключено и совокупное применение к рассматриваемым правоотношениям юридической конструкции взыскания неосновательного обогащения по ст. 1102–1105 ГК РФ. Тем не менее с таким подходом тоже можно

Требование Генеральной прокуратуры РФ об обращении взыскания на коррупционные доходы связано с охранительными правоотношениями и санкционным характером мер, применяемых в ответ на деяния коррупционной направленности

поспорить, поскольку необходимыми условиями возникновения обязательства вернуть неосновательное обогащение являются приобретение и сбережение имущества за счет другого лица, не основанные на законе, сделке или каких-либо иных правовых основаниях. Требование о взыскании неосновательного обогащения будет удовлетворено, если потерпевший докажет, что ответчик приобрел или сберег имущество за его счет без законных оснований (определение Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 г. № 5-КГ18-260).

Таким образом, для взыскания неосновательного обогащения крайне важно установить, что у истца есть законные права на имущество и что ответчик владеет данным имуществом неправомерно. Однако требование Генеральной прокуратуры РФ об обращении взыскания на коррупционные доходы отнюдь не обусловлено законными правами владения данным имуществом. Напротив, это требование связано с охранительными правоотношениями и санкционным характером мер, применяемых в ответ на деяния коррупционной направленности. Здесь истец не имеет ника-

ких имущественных притязаний, а преследует цель наказания виновных лиц путем лишения их субъективных прав.

Нередко суды квалифицируют сделки, которые опосредовали реализацию доходов, полученных в результате акта коррупции, как противоречащие основам правопорядка и признают их ничтожными (см., например: решение Советского районного суда г. Владивостока от 6 марта 2020 г. по делу № 2-292/2020; решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 23 декабря 2020 г. по делу № 2-10163/2020). Вместе с тем квалификация сделки как антисоциальной основана на объективном критерии, согласно которому нарушение является опасным настолько, что очевидно противоречит и будет противоречить политическим или правовым устоям общества, закрепленным в Конституции Российской Федерации, либо нравственным идеалам, представлениям о добре и зле, которые сформировались в общественном сознании, безотносительно того, кто конкретно заключил сделку и с какими намерениями (ст. 169 Гражданского кодекса РФ).

Антисоциальная сделка ничтожна в тех случаях, когда в силу своего содержания, устанавливаемых прав и обязанностей просто не вправе существовать в обществе. Это, например, продажа наркотиков, оружия, людей, распространение литературы, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду, сбыт поддельных документов и ценных бумаг и т. д. (п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Сделка, содержанием которой является сам акт коррупции – получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера (п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции»), может быть квалифицирована как противоречащая добрым нравам. Однако рассматриваемые в делах об обращении взыскания на коррупционные доходы сделки в большинстве своем имеют позитивную цель – приобретение имущества, финансовых активов, исполнение обязательств по государственным контрактам, выполнение работ для

муниципальных нужд и др. Сопровождающие сделку условия коррупционной направленности и содействие субъектов, наделенных публичной властью, сами по себе не меняют ее цели и не делают ее подрывающей нравственные устои общества.

Таким образом, полагаем, что ответственность за совершение коррупционного правонарушения в условиях недоказанности законности приобретения субъектами публичной власти имущества и финансовых активов относится к специальному виду гражданско-правовой ответственности, которая по природе защищаемого интереса не может быть отнесена ни к требованию о возмещении вреда, взыскания неосновательного обогащения, ни к спорам о признании сделок антисоциальными [Илюшина 2019: 5; Смирнова 2017: 30; France 2022: 2, 6].

Субъекты ответственности при заявлении требования об обращении взыскания на коррупционные доходы

Ответственность, предусмотренная подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ и нормами Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», является специальной и отличной от иных конструкций защиты субъективных прав. Именно поэтому она возлагается законом изначально только на государственных (муниципальных) служащих, их супругов и несовершеннолетних детей. Как указал Конституционный Суд РФ, данные ограничения были обусловлены высоким социальным статусом, повышенными требованиями к морально-нравственным качествам субъектов публичной власти и требованиями объективного, беспристрастного исполнения возложенных на них обязанностей (Постановление от 29 ноября 2016 г. № 26-П).

Вместе с тем с развитием практики применения данной меры ответственности круг лиц, собственность которых может подлежать проверке на предмет совершения антикоррупционных правонарушений, стал заметно шире. Так, уже по делу Д. В. Захарченко в число соответчиков вошли не только супруга и несовершеннолетние дети, но и иные близкие родственники, владевшие активами, законность происхождения которых не была подтверждена в процессе (решение Никулинского районного суда г. Москвы от 2 декабря 2017 г. по делу № 2-6770/17). По делу

Л. И. Маркелова, помимо родственников главы Республики Марий Эл к ответственности по подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ были привлечены аффилированные компании, которые участвовали в схеме финансирования, строительства и приобретения объектов недвижимого имущества в пользу родственников государственного служащего (решение Нижегородского районного суда г. Нижнего Новгорода от 25 ноября 2019 г. по делу № 2-9507/2019).

С учетом изложенного уже в 2019 г. Конституционный Суд РФ легитимировал подход, согласно которому изымать имущество у третьих лиц, не специальных субъектов, допустимо, если доказано, что данное имущество было приобретено за счет незаконных доходов государственного служащего и что эти лица фактически владели, управляли и распоряжались такими активами (Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 2655-О).

В развитие указанного подхода по делу И. С. Пушкарева № 2-292/2020 к гражданско-правовой ответственности были привлечены брат главы города и подконтрольные ему компании холдинга, которые выполняли работы в рамках заключенных муниципальных контрактов. Суд согласился с доводом Генеральной прокуратуры РФ о том, что заключение муниципальных контрактов на строительство дорог осуществлялось при содействии главы города и руководителя муниципального предприятия, в результате чего обогатились подконтрольные брату главы города заводы по производству строительных материалов. Суд признал фактически номинальным владение компаниями со стороны брата и счел обстоятельством недекларирования главой города таких доходов коррупционным правонарушением. В качестве соответчика по настоящему делу был привлечен руководитель муниципального предприятия, в интересах которого исполнялись муниципальные контракты. Суд посчитал, что своими действиями указанное лицо потворствовало коррупционному правонарушению и создавало препятствия иным коммерческим организациям к участию в данных публичных контрактах (решение Советского районного суда г. Владивостока от 6 марта 2020 г. по делу № 2-292/2020).

Интересно, что по данному делу все ответчики были привлечены к солидарной ответственности, в том числе те компании,

которые входили в группу, но не принимали участия в исполнении анализируемых муниципальных контрактов. Несмотря на то что по смыслу ст. 322 и 1064 ГК РФ солидарно отвечают только те лица, которые совместно участвовали в причинении потерпевшему вреда, суд счел сам факт вхождения организации в холдинг и потенциальную возможность ее участия в исполнении контрактов основаниями для взыскания средств с нее.

По делу министра Открытого правительства РФ М. А. Абызова к ответственности были привлечены пять иностранных компаний, которые находились на территории Республики Кипр и которыми министр косвенно владел (для владения – 99,9 %) через аффилированные российские юридические лица, находившиеся в доверительном управлении иных лиц и участвовавшие в схеме продажи акций российской энергетической компании ОАО «СИБЭКО». Суд установил, что иностранные компании, принимавшие участие в схеме по продаже активов ОАО «СИБЭКО», не вели реальную хозяйственную деятельность, не имели полноценных органов управления, а действительным получателем денег по сделке и их распорядителем являлся М. А. Абызов, а не акционеры и руководители компаний-ответчиков, которые кроме формального подписания договоров купли-продажи в их подготовке и исполнении реального участия не принимали (решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 20 октября 2020 г. по делу № 2-3645/2020).

Было возбуждено гражданское дело и в отношении АО «Альфа-Банк», задействованного в схеме незаконного обогащения М. А. Абызова, который часть доходов, полученных в результате реализации акций российских энергетических компаний, направил через подконтрольные компании для инвестирования 115 млн долл. США в проект «Телеграмм Групп Инк.» по выпуску цифровой криптовалюты (токенов) *Gram*. В связи с тем что данный проект не был одобрен регулирующим органом США, «Телеграмм Групп Инк.» обязалась возратить инвесторам полученные денежные средства и конвертировала их в заемные обязательства. Как установил суд первой инстанции, вина АО «Альфа-Банк» заключалась в обслуживании финансовых транзакций, санкционировании операций с нелегальными денежными средствами,

поскольку посредством банка первоначальные инвесторы – компании, подконтрольные М. А. Абызову, – были заменены на аффилированные банку иностранные компании путем заключения договоров переуступки и новации существующих обязательств, в результате чего на счета, открытые в АО «Альфа-Банк», поступили коррупционные активы в размере 104,5 млн долл. США (решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 8 сентября 2021 г. по делу № 2-4597/2021).

По делу депутата Государственной Думы С. А. Сопчука № 2-10163/2020 в числе ответчиков были привлечены ООО «Терней Золото» и собенефициар данной компании, вместе с которыми через номинальное владение иных лиц осуществлялись контрольные и распорядительные функции в отношении предприятия, учрежденного для извлечения прибыли и драгоценных металлов, в том числе золота и серебра, в Приморском крае. Суд установил, что фактические бенефициары предоставляли займы денежных средств как лично, так и посредством подконтрольных юридических и физических лиц; значительная часть этих средств так и не была возвращена. Директор золотодобывающего предприятия регулярно отчитывался о деятельности предприятия перед привлеченными к ответственности депутатами, которые определяли судьбу компании, соотношение их долей в обществе, обсуждали варианты продажи предприятия либо привлечения к его работе третьих лиц (решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 23 декабря 2020 г. по делу № 2-10163/2020).

Кроме того, выявлен факт принадлежности С. А. Сопчуку комплекса отдыха «Маяк» в Приморском крае. Депутат за счет собственных средств и подконтрольных ему компаний финансировал базу отдыха, реконструировал входящие в ее состав объекты и построил новые сооружения. Поскольку С. А. Сопчук фактически определял судьбу базы отдыха, участвовал в ее хозяйственно-финансовой деятельности, принимал руководящие решения, занимался планированием, контролировал отчетность, извлекал доход и обогащался способом, запрещенным антикоррупционным законодательством, ООО «Комплекс отдыха „Маяк“» было также привлечено к ответственности по подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ (решение Замоскворецкого районного

суда г. Москвы от 26 января 2022 г. по делу № 2-504/2022).

Проведенный анализ показал, что субъектами проверки Генеральной прокуратурой РФ на предмет законности получения имущества и финансовых активов и их соразмерности полученному доходу могут стать фактически любое лицо и компания, в том числе иностранная, имеющая или имевшая взаимоотношения с государственным служащим, в том числе до момента замещения им публичной должности [Бочкарев 2021а: 8].

Объект обращения взыскания по требованиям о взыскании коррупционных доходов

Согласно ст. 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» взыскание в бюджет Российской Федерации может быть обращено на земельные участки, другие объекты недвижимости, транспортные средства, ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровые финансовые активы и цифровую валюту. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что изъять можно только то, что прямо указано в статье (как правило, дорогостоящее имущество, в отношении которого ведется учет и осуществляются регистрационные действия (п. 5.5 Постановления от 29 ноября 2016 г. № 26-П).

В деле Д. В. Захарченко № 2-6770/17 обращению взыскания подлежали квартиры, нежилые помещения, машино-места, автомобили, денежные средства в российской и иностранной валюте. По делу Л. И. Маркелова № 2-9507/2019 помимо объектов недвижимости и автомобилей изымалось огромное количество предметов роскоши: слитков золота, памятных монет, картин, наручных часов престижных марок, изделий из драгоценных металлов и т. д. В бюджет РФ может быть обращено взыскание даже на ювелирные украшения и женские сумки марок премиального сегмента *Dior*, *Chanel* и *Hermes* (решение Головинского районного суда г. Москвы от 8 ноября 2019 г. по делу № 02-3885/2019).

Интересно, что по делу И. С. Пушкарева № 2-292/2020 обращению взыскания подлежал доход – 1,4 млрд руб., полученные компаниями группы, участвовавшими в исполнении муниципальных контрактов. При этом

доводы ответчиков о правомерности получения данных денежных средств на основе взаимности, реальности поставок строительных материалов (бетон, цемент и т. д.) на сумму 2,1 млрд руб. и даже прощения долга муниципального предприятия на сумму свыше 761 млн руб. суд отклонил, посчитав их не относящимися к предмету судебного разбирательства.

Примечательно также, что в состав взысканного дохода входила сумма уже уплаченного налога на добавленную стоимость, которую компании группы как налоговый агент уплачивали за муниципальное предприятие. Налог на добавленную стоимость по смыслу главы 24 Налогового кодекса РФ – косвенный налог, который уплачивается поставщиком ежеквартально со всей суммы поставок и возмещается конкретными покупателями при оплате поставки. Налог на добавленную стоимость не является доходом компании и учитывается в отдельных графах бухгалтерской отчетности. Представляется, что взыскание в составе неправомερных коррупционных доходов налога на добавленную стоимость, в сущности, привело к двойному взысканию в бюджет РФ денежных средств в размере 243 млн. руб.

По делу М. А. Абызова № 2-3645/2020 обращению в доход Российской Федерации подлежала вся выкупная сумма в размере 32,5 млрд руб., полученная подконтрольными бывшему министру иностранными компаниями по договорам купли-продажи акций ОАО «СИБЭКО». По распоряжению бывшего министра данные активы использовались для покупки облигаций, конвертации в валюту, а часть коррупционного дохода в размере 115 млн долл. США инвестирована М. А. Абызовым в проект «Телеграмм Групп Инк.» для реализации проекта по выпуску цифровой криптовалюты (токенов) *Gram* с использованием подконтрольных офшорных компаний.

По делу АО «Альфа-Банк» № 2-4597/2021 в доход Российской Федерации были взысканы денежные средства в размере 30 тыс. долл. США и 5,6 млрд руб. – часть денежных средств, поступивших по схеме возврата не реализованных средств из инвестиционного проекта «Телеграмм Групп Инк.» в пользу М. А. Абызова в размере 104,5 млн долл. США, которая была направлена на погашение кредиторской задолженности перед

АО «Альфа-Банк». Суд первой инстанции признал недопустимым то, что банк игнорирует незаконность происхождения денежных средств и требования законодательства о противодействии отмыванию коррупционных доходов.

По делу С. А. Сопчука № 2-10163/2020 было установлено, что депутат, нарушая запрет на занятие предпринимательской деятельностью, через подконтрольные ему фирмы вложил в ООО «Терней Золото» более 1 млрд руб. В результате проведенных за счет средств ответчиков геологических, разведывательных и испытательных работ установлены запасы 7828,7 кг золота и 773,6 т серебра (общей стоимостью 38,5 млрд руб.), которые ООО «Терней Золото» вправе добыть и реализовать. В результате по решению суда было обращено взыскание на 100 % доли в уставном капитале ООО «Терней Золото» как на имущество, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции.

Решением суда по делу ООО «Комплекс отдыха „Маяк“» № 2-504/2022 в доход Российской Федерации было обращено все имущество, зарегистрированное на данную компанию, в том числе объекты недвижимого имущества, нежилые здания, дома отдыха, бассейны, спортивная площадка, беседки, генераторная, оранжерея, коптильная и все иные вспомогательные хозяйственные сооружения.

Таким образом, как и в вопросе субъектной ответственности за коррупционные правонарушения судебная практика расширительно толкует объем имущества, подлежащего декларированию государственным служащим [Мальшева 2019: 15] (в том числе если это имущество зарегистрировано на родственников либо аффилированных лиц) и, как следствие, подлежащего проверке на предмет законности приобретения в собственность.

Применимость сроков исковой давности к требованиям о взыскании коррупционных доходов

Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» был принят 3 декабря 2012 г., при этом в ст. 18 предусматривает, что объектом проверки являются доходы, расходы и сдел-

ки государственного служащего и иных лиц с 1 января 2012 г. Придание закону обратной силы – «исключительный тип его действия во времени, использование которого относится к прерогативе законодателя; при этом в тексте закона содержится специальное указание о таком действии во времени, либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу имеется подобная норма» (Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2016 г. № 3-П).

Несмотря на этот императивный запрет и строгие временные рамки, прямо указанные в Федеральном законе «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», правоприменители следуют по пути тотального контроля и всеобщей борьбы с коррупцией как с явлением, подрывающим общественный и государственный строй.

Более того, неприменимым оказывается требование о сроках исковой давности как конструкт, который в любой сфере правоотношений, в том числе уголовно-правовой и административной, призван упорядочить правоотношения, внести в них правовую определенность и стимулировать своевременную защиту прав потерпевших. Между тем ст. 7 Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. устанавливает необходимость закрепления во внутреннем законодательстве стран требований о действии сроков исковой давности не менее трех лет со дня, когда лицу, понесшему ущерб, стало известно о совершенном акте коррупции, но не более десяти лет с момента совершения коррупционного действия.

Общая норма ст. 196, 200 ГК РФ закрепляет срок исковой давности в три года со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Этот срок применяется ко всем гражданско-правовым требованиям при отсутствии специального указания на иные сроки. Истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является безусловным основанием для вынесения судом решения об отказе в иске (ст. 199 ГК РФ, п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»).

Тем не менее суды неоднократно отказывали в применении последствий истечения срока, ссылаясь на защиту нематериальных благ общества и государства от актов коррупции, необходимость исходить из условия неотвратимости ответственности лиц за допущенные правонарушения (см., например: решение Советского районного суда г. Владивостока от 6 марта 2020 г. по делу № 2-292/2020; решение Химкинского городского суда Московской области от 16 февраля 2022 г. по делу № 2-854/2022) [Бочкарев 2021b: 12].

Если в социальном аспекте с данным доводом сложно не согласиться, то с формально-юридической позиции категория «нематериальные блага» относится только к физическим лицам, жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, неприкосновенность частной жизни которых охраняются Конституцией РФ и ст. 150 ГК РФ. Формально иск Генеральной прокуратуры РФ направлен на взыскание в бюджет Российской Федерации как публичного субъекта и не ставит вопрос о защите нематериальных благ, тесно связанных с жизнью, здоровьем и личностью конкретных граждан РФ.

Представляется, что конструкция срока исковой давности как неотъемлемый элемент любого права на иск должна применяться при рассмотрении требований об обращении взыскания на коррупционные доходы. Возможно, что в связи с важностью защищаемых общественных интересов данный срок должен быть больше в сравнении со сроками давности по иным требованиям защиты субъективных прав.

В заключение отметим, что вопрос о взыскании коррупционных доходов подвергается теоретическому и нормативному анализу [Марасов 2018: 26; Цирин, Севальнев 2020: 156] на предмет состава вменяемого правонарушения, круга субъектов, подлежащих ответственности, объема изымаемого имущества, применимых сроков исковой давности, причем в рамках не только российской правовой системы, но и зарубежной. Кроме того, есть ряд вопросов процессуального плана, обсуждение которых тоже уместно при рассмотрении дел данной категории: подсудность, распределение бремени доказывания, возможность заключения мирового соглашения и т. д. Это опять же обуславливает актуальность данной темы.

Список литературы

France G. Non-Conviction-Based Confiscation as an Alternative Tool to Asset Recovery: Lessons and Concerns from the Developing World // Transparency International, 2022. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep39424> (дата обращения: 04.04.2022).

Бочкарев С. А. Субъекты гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Законность. 2021а. № 3. С. 3–8.

Бочкарев С. А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. 2021b. № 2. С. 8–12.

Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.

Илюшина М. Н. Гражданско-правовые элементы механизма контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Гражданское право. 2019. № 6. С. 3–7.

Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 466 с.

Мальшева Л. А. Совершенствование деятельности по контролю за расходами государственных служащих и иных лиц // Законность. 2019. № 3. С. 12–15.

Марасов Ю. Г. Контроль за расходами отдельных должностных лиц как одна из основных мер профилактики коррупции // Российский судья. 2018. № 4. С. 22–26.

Смирнова Л. А. Реализация прокурорами полномочий в сфере контроля за расходами государственных служащих и иных лиц // Законность. 2017. № 5. С. 27–31.

Цирин А. М., Севальнев В. В. Совершенствование порядка осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 144–156.

Наталья Евгеньевна Бараданченкова – адвокат, старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: baradanchenkova@gmail.com.
ORCID: 0000-0002-9930-9520

Corruption Proceeds Recovery in the Russian Federation

In recent years, the Russian General Prosecutor's Office practice of collecting corruption proceeds has been gaining momentum in terms of the categories and amounts of recovered income, as well as the scope of factual and legal grounds for the claims.

After analyzing the latest landmark cases, the author concludes that the claim on subpar. 8 par. 2 of Article 235 of the Russian Civil Code, by the nature of the established facts, differs from claims for harm compensation, the recovery of unjust enrichment, or the recognition of transactions as antisocial. The author examines some trends in expanding the circle of persons whose property assets can be recovered to the Russian Federation budget, the possibility of foreclosure on company profits received as a result of its economic activity, including taxes already paid, and funds sent to the bank to pay off credit obligations. In addition, contrary to existing practice, the author also substantiates the need to apply statute of limitations on actions as a condition for satisfying a claim.

Keywords: counteraction to corruption, illegal income recovery, civil service, judiciary, prosecutor

Recommended citation

Baradanchenkova N. E. Praktika obrashcheniya vзыскaniya na korruptsiionnye dokhody v Rossiiskoi Federatsii [Corruption Proceeds Recovery in the Russian Federation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 36–45, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_36.

References

Bochkarev S. A. Sub"ekty grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za korruptsiyu [Subjects of Civil Liability for Corruption], *Zakonnost'*, 2021a, no. 3, pp. 3–8.

Bochkarev S. A. Korruptsiya vne srokov iskovoi давности [Corruption Beyond the Statute of Limitations], *Zakonnost'*, 2021b, no. 2, pp. 8–12.

France G. *Non-Conviction-Based Confiscation as an Alternative Tool to Asset Recovery: Lessons and Concerns from the Developing World*, Transparency International, 2022, available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep39424> (accessed: 04.04.2022).

Gribanov V. P. *Otvetstvennost' za narushenie grazhdanskikh prav i obyazannostei. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Responsibility for Violation of Civil Rights and Obligations. Exercise and Protection of Civil Rights], Moscow, Statut, 2000, 411 p.

Ilyushina M. N. Grazhdansko-pravovye elementy mekhanizma kontrolya za sootvetstviem raskhodov lits, zameshchayushchikh gosudarstvennye dolzhnosti, i inykh lits ikh dokhodam [Civil Law Elements of the Mechanism for Monitoring the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with their Income], *Grazhdanskoe pravo*, 2019, no. 6, pp. 3–7.

Ioffe O. S. *Obyazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligations], Moscow, Yurid. lit., 1975, 466 p.

Malysheva L. A. Sovershenstvovanie deyatelnosti po kontrolyu za raskhodami gosudarstvennykh sluzhashchikh i inykh lits [Improving the Activities to Control the Expenses of Civil Servants and Other Persons], *Zakonnost'*, 2019, no. 3, pp. 12–15.

Marasov Yu. G. Kontrol' za raskhodami otdel'nykh dolzhnostnykh lits kak odna iz osnovnykh mer profilaktiki korruptsii [Control Over the Expenses of Individual Officials as One of the Main Measures to Prevent Corruption], *Rossiiskii sud'ya*, 2018, no. 4, pp. 22–26.

Smirnova L. A. Realizatsiya prokurorami polnomochii v sfere kontrolya za raskhodami gosudarstvennykh sluzhashchikh i inykh lits [Implementation by Prosecutors of Powers in the Field

of Control over the Expenses of Civil Servants and Other Persons], *Zakonnost'*, 2017, no. 5, pp. 27–31.

Tsirin A. M., Seval'nev V. V. Sovershenstvovanie poriyadka osushchestvleniya kontrolya za raskhodami i mekhanizma obrashcheniya v dokhod gosudarstva imushchestva, priobretnennogo na nepodtverzhdennye dokhody [Improving the Procedure for Exercising Control over Expenses and the Mechanism for Turning Property Acquired with Unconfirmed Income into State Revenue], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2020, no. 9, pp. 144–156.

Natalya Baradanchenkova – advocate, senior lecturer of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after. V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: baradanchenkova@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-9930-9520

Дата поступления в редакцию / Received: 29.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.06.2022